

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ.

«Шумели, плескались реки огненные. Шумела сила тигровя. Дымилась сердца косматые. Цвела земля волнами гудными. Забрало замком... В те разы да ожели бы на все вожаки пустить. Наскрозь бы весь белый свет прошли. Табунами пожаров моря ожгли бы, горы посыривали. («Реки огненные» — «Перевал» № 1).

«Зачем умирать? Умереть не хитро. Жить надо да радоваться. Погляди что кругом робиться...» («Вольница» — «Лед» № 1—5).

И Артем Веселый «глядит» не поглядится на все, «что кругом робиться» на советской земле и в те месяцы, когда революционная буря играет свой вихревой танец, и в те дни, когда «реки огненные» выходят из берегов и в те годы, когда на смену героическому энтузиазму пришли уравновешенность труда и расчет хозяйственной целесообразности.

А. Веселый умеет не только любить, но и узнавать революцию, находить ее движущие силы, обнаруживать ее власть и законы, как в героическом и героическом, так и в гулянке матросской братии или бесчинствах декабристского повстанца. Ибо за всем, во всем, надо всем у него стоит революция, ее стремительность, горячность, конечная справедливость, неповторимая героичность и железная закономерность.

В «Реках огненных» Васылька-Граммюфон и Мишка-Крокодил — которых «хоть в расы одень, а по размашистым ухваткам, да увесистой сочной ругани сразу флотских признаешь», — пять годов в морюшке не полоскались — стосковались лото и решили вернуться к флотской службе. Но так как «за счет разных там эксов, шамовки, лавой ши на есть спекулянтки Мишка с Васылькой первые хватки», то ясно, что «жилище кораблянка» им теперь не по вкусу. «Коричная жизнь: атейки разные одолели. Школа. Какне-то культкомиссии. Закружились кружи. Што ни день, што ни час, как из прорыва — собрания, заседания, лекции, доклады. Не вытерпела братва. «Как мы есть сознательный элемент, товарищ комиссар, просим от разной политики ослобонить». И в результате избил комиссара. Ну, а потом — гром упал. «Подходящее житьишко вдребезги. «Вылезла комиссия по чистке от элементов. И сразу, не говори худого

слова Мишка за же». На другое утро раздетые и разутые, с тощами мешками на горбах, уходили Мишка с Васылькой.

Два периода революции, две ее ступени сталкивает Веселый в «Реках огненных» лицом к лицу: темную, неосознанную, авантюрную, но и искреннюю, службу революции декларированных гражданской войной Граммюфону и Крокодилу встает он рядом с сознательной, трудной, упорной работой комсомола, брошенного тою же революцией из воссоздания красного флота.

«Солнце на ногах. Команда на ногах. Верхом на корабле. В переполюшки швабры, метелки, голки. Пла шетса несек, опилки. Веселое море опрокидывалось на палубу, заливал кубрик». «Крик дождем. Руг градом. Работа ливнем.

«Давай! Давай!» Солнце горящими крыльями бьетса в морскую палубу, шкелеток гравные пятки, смехом кумаркается в падрасной до жару медной арматуре, скрутив. Руги ребяти, а хитити артедыны. Глаза паруса, вылитые ветрам. Галка у Федотина лужайка:

Живо, молодчики!
Бегай, бегай!
Е-ей, поторапливайся...»

Об родной ему комсе Веселый рассказывает захлебываясь, горячо, с восторгом, с бодростью и верой подлинного сына Октября в пролетарское дело. Но и «отличительных ребяток» Васылька и Мишка, их оригинальный жаргон, их «воевморскую робу», их растерянную тоску по морю, их в преступлении почти детскую непосредственность он описывает до деталей шпика в мезончик темного и шляного быта, в наломанную и путанную крику их полтоскиши. Если в «Реках огненных» дан фильм вступительной жизни братки, то в «Вольнице» освещен момент расставания этих бурых сил, их игра, их революционная сущность.

«Станциячик Авдокия Гулько, как делегат да оружье» приезжает в город, где встречается старого приятеля — матроса Васылька Галагана. «В совет здешний — по высокомерному заведению Галагана — всякая сволота понабилась.

И большевики и меньшевики и кадеты и эстеры». «Оружия, тебе, солдат, не достать» — авторитетно заключает он.

«Васек товарищ подсердечный. За что мы скомедля, терхались? Долой золотую шкуру.

И зачем нам кисла меньшевикца

вдаться? В контрах вся Кубань — тридцать тысяч казаков. Што тут делати? И как тут быти.

Успокой ты свое солдатское сердце Христа ради.

Будь уверен
Оружия мы тебе доставем.

И Васылька Галаган сдерживает свое слово — достает оружие. Через 5 лет он, в образе Васыльки-Граммюфона, изгустнет о «семинадцатом-восемнадцатом годочке» и придет к выводу, что «старая свобода была в тылу разлучше ихней новой политикой». Но сейчас он, смакующий «пылику-гулянку», он, бахалачишься тем, что «все у мертвых отягло», ибо «сачем мертвому портенгар в семь каратов», он — этот Васылька Галаган, по его же образному выражению, сознает, что «не лево и ты, что «стут, браток, особый шит упора». Вот этот то «шит упора» облагает Веселый своим творчеством. Этот «упор» имеет — во произведениях нашего автора — своим фундаментом и прошлую, тяжелую голодную, беспросветную жизнь, и (перво-наперво) кровную, ясно-осознанную глубокую связь между крестьянином с пролетарием, и враждебность обоих к своим и иноземным классовым врагам:

«Это ничего, что Васылька Галаган шай. Ведь до сих пор он в кочегарке — «эх в бога господи мать пять годиков «оттугучил» и только «теперь свет увидал. Али и теперь ни погулять? Первый праздник в жизни. Но я шайный он

«вышел Васылька гостечка дорогого через стеклянную дверь на тераску. Вывел да и посылывает.

Вон немцы в Крыму.
Вон Украина страна хлебородная
Всю ее покорили стервамы

А
флот наш сюда отсунули немцы?

Немцы, Авдошка, немцы хлеть иху мать. Идем блем десье флот по Брест Литовскому. Шлявиль. Распустиди мы шамом — сюда унитывали. Вы шлем кино до последнего ведра — дальше поедем, разгрозим все берега и с чество умрем.

Потому, когда Васылька «ша стол влезь ревом» и «сплался тут митинг со словами и музыкой» — «ночью же прямо из горсада на вокзал добровольческой отряд.

«Васылька Галагана партизанский отряд в 300 годов» с оружием и пулеметами отправился бить кубанскую «контру».

2.
«Подполне, Немы, Товарищи, Удачи. Провали дружимым сверкающим колесом. Прожачи часов покрой гердашуются. Горачка лед, Комитет — етогда, етогда.

В городе мобилизация,
Пару своих ребят на приемочный. Сигитирювати. Паратати. Увести в горы.

В тупике вагон патронов.
Разгрузить. Перевосить в свой отряд.

Нужны денежки:
Собрать копейки у грузачиков и цементников. Налет на квартиру полковника: за границу собираетса. Золото, Верное дело. Крофт. Шольеши в арддивизионе.

Свалачься. Организовать. Ночью офицеров к поэту Дивизион в горы. («Дикое сердце». «Красная Ночь», № 1).

Артем Веселый не знает статки событий. Он весь в движении, в порыве, в горении, в сотне переплетающихся дел, в тысяче забот. Он слышит ход революции и чувствует «буриный темп». Не напрасно «Реки огненные» носят подзаголовок — «Зыбы», «Вольница» — «Буй», а «Дикое сердце» — «Ветробой». Для Веселого важен не сам по себе занимательный факт и его пересказ. Воссоздать ритм событий, найти последний место в общем ходе революции, раскрыть движущие их социальные и индивидуальные силы — вот триединая и основная тема Веселого. Отсюда скрутность его сюжетов (повстанец казак приезжает за оружием — «Вольница»; бывшие матросы делают попытку вернуться во флот — «Реки огненные»; любовь повстанца и комиссари — «Дикое сердце»), несложность их развития и отсюда же сосредоточенное устремление оформить словесным материалом всю гамму переживаний, всю нестрогу событий, всю сложность друг на друга громоздящихся фактов, всю героичность великой эпохи.

Стать Артема Веселого отрывист и лихорадочен. Его фраза коротка и ударна. Цветистый эпитет ему чужд и враждебен. Из знаков препинания он признает твердую четкую «точку», скромную «запятую» и только изредка прибегает к патетическому «восклицательному знаку». Он не любит описывать и расписывать.

«Можно, пожалуй, упрекнуть Веселого в некоторой угловатой манерности чисто графического построения фраз. Звуковое впечатление от, и так четкий, фразы автору хочется усилить и зрительным восприятием. Он описывает качку:

«На перевале брани килевую качку. Волны крыла подветренный борт.

Фенька до свету отпоеивалса без отверту воду. В жарком размере кулыркалось море.

БУ РЯ
РУ
БИЛА
УДАЛЫХ.

(«Дикое сердце»).

3.
Если в «Реках огненных» и «Вольнице» Артем Веселый фиксирует кинематографические моменты, в «Диком сердце» им делается первая по

пытка показать ее организованность, захватить в поле своего творчества уголок жизни тех масс, которые революционно действовали в тяжчайших условиях повстанчества и которые выдвинули из своей среды незаметных, но подлинных героев.

Артем Веселый не был бы художником, если бы он не увидел и не отметил те отрицательные явления, которые должны породить лишения, голод и холод среди разнородной повстанческой массы. Но он еще и художник-революционер и поэтому знает что недопустимо комиссарской, требование спирта и пр. — все это — второе, маловажное, преходящее, что в часы боя уйдет на задний план мелкое и случайное, что умеющие так страдать, так чувствовать и так любить сумеют и победить.

Просто рассказывает о любви Арт. Веселый. «Дикое сердце» Илько, не выдержавшее страшного испытания и вот-вот готовое на измену, он не осуждает. «Загулея наш Илько. Сердце у него подталло» — объясняет впоследствии Фенька освобожденным товарищам и «скирдыкает сползавши с плеч карабин».

Таковы люди революции. Такова их любовь. И такова жизнь. Вчера — были и Митыль Граммюфон и Васылька Галагана. Сегодня — держат в своих руках карабины комиссари Феньки и возрождает флот комса. А завтра... — так кончает один из своих рассказов Арт. Веселый.

ПОЕЗД МЧИТСЯ ОГОНЬКИ ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА.

О писателе, чей творческий путь только намечается, о молодом авторе, давшем нам пока только три небольших произведения, говорить языком итогов слишком, разумеется, преждевременно. Еще не пришел час определять в скрутой формуле его индивидуальный писательский лик. Еще не пора устанавливать литературных истоков его мастерства, восходящих то к Блоку — «Двенадцать», то к Белому то к Маяковскому. Дарование Веселого только еще разворачивается. Но уже сейчас перед нами не «получик», а писатель, чье творчество пропитано кровью повстанций и чье мастерство дышет героизмом борьбы. Мастер — Веселый весь в будущем. Его родила революция, его выдвинула комсомол, его воспитывает пролетариат. В этом залог роста и расцвета его богатого дарования и недожженного таланта революционного бытописателя.

И. КРУТИ.